

Олег Ладыженский

Перекресток

*Часть сборника
Фанты для фэна (сборник)*

Олег Семенович Ладыженский

Перекресток

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158505

Аннотация

«Мы привыкли к потоку дурных новостей,
Мы привыкли к продажности наших властей,
Нас обьяли привычные стылые воды
До души. До печёнок. До глаз. До костей.
Я стрелял бы на звук, но кругом тишина,
Я упал бы в траву, но лишь пол да стена, –
О судьба! Раздаешь ты обильно желанья,
Но возможностей не раздаешь ни хрена!..»

Содержание

НОЧНЫЕ ЦИКАДЫ	6
ТЕРЦИЯ	6
КВАРТА	9
КВИНТА	14
ХАЙЯМКИ	15
НОВОРУССКИЙ РУБАЙЯТ "ПАЦАН ХАЙЯМ"	18
БАЛЛАДА ОБМЕНА	20
БАЛЛАДА О БЕЛОЙ ЖИЗНИ	20
БАЛЛАДА ОБМЕНА	23
СТРАШНАЯ БАЛЛАДА О ПОЭТЕ	25
БАЛЛАДА О КИПЛИНГЕ	27
ШЕСТИСТИШЬЯ	29
ПОДОБЬЕ	29
ХАБАНЕРА	30
ЗООФИЛОЛОГИЯ	31
ВЕТЕР	32
ТЕАТР	33
СУЛАМИФЬ	34
SIC TRANSIT	35
РЕЦЕПТ БЕСТСЕЛЛЕРА	36
АНТИДЕПРЕССАНТ	37
ЛЕТО	38

ЭПИТАФИЯ	39
АВТОПОРТРЕТ	40
ТЬМА	41
ОДИССЕЙ – ПЕНЕЛОПЕ	42
ЛИТЕРАТУРА	43
ОСЕНЬ	44
ОКТЯБРЬ	45
КАМЕНЬ	46
ВЫБОР	47
ЛИРИКА	48
ТАЛАНТ	49
ГРЕКИ	50
АВТОПОРТРЕТ	51
МУДРОСТЬ	52
КРИЗИС	53
ЭПИТАФИЯ	54
БУСИДО	55
ЖИЗНЬ	56
ФИНАЛ СКАЗКИ	57
МЕЖДУ НАМИ	58
ВРЕМЯ	59
КНИГА	60
ДИАЛОГ С ВЫВОДОМ	61
ПРОБЛЕМА	62
ЗАПОВЕДАЛЬНЯ	63
КОНКУРЕНТЫ	64

НОВЫЙ РИМ	65
ПОЭТАМ	66
УВЕРЕННОСТЬ	67
ЭХО СТАРЫХ ЛЕГЕНД	68
ТРОЕ	68
МАЛЫЙ НАРОДЕЦ	70
ЭВРИДИКА	72
ОРФЕЙ	74
СЕСТРЫ	77
ЗАЧИН	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Олег Ладыженский

ПЕРЕКРЕСТОК

НОЧНЫЕ ЦИКАДЫ

Вечному пути Мацуо Басе

ТЕРЦИЯ

Зима достала на излете.
Простуда
В марте.

Мы, поэты,
Голы
Как глаголы.

Роман, как кровяная колбаса,
С неделю пролежавшая на солнце:
И несъедобно, и с души воротит.

В лихом бою
Я, как в раю —
Ложусь и больше не встаю...

Если с утра голова не на месте,
Значит, вчера, выпив первые двести,
Ты за вторыми пошел...

А в Австралии евреи
И милее, и добрее —
Утконосей, кенгурее...

То не шум за стеной,
То не тень за спиной —
То удача идет стороной.

В порту смотрю
На клипера —
Ни пуха, ни пера!

Вот бы взять человечка
За любое местечко —
И начать выяснять, что к чему...

Былого тень
Я в памяти храню —
Хочу пришить к сегодняшнему дню.

Меж деревьев бродят тени,
И смущенные растенья
Шевелят корнями: «Как же так?»

Ты скажи, чародей:
Что ж так много людей,
Что ж так мало хороших идей?

Бред и бренд.
Одна буква разницы.
А какой эффект!

Развели мосты на тыщу баксов,
Беспредел царит над водной гладью,
С набережной фраера ликуют.

КВАРТА

Самсону иудейскому Далила
Все волосы однажды удалила.
Одни считают – поступила низменно,
Другие говорят, что феминизменно...

Художники, философы, поэты —
Мы инопланетяне, господа! —
Однажды прилетев сюда с иной планеты
И навсегда.

Прожигаю жизни половину,
Прожигаю целиком, насквозь,
Чтобы сунуть-вынуть, сунуть-вынуть
В эту дырку жизненную ось!

Мои нелепые стихи
Смешны, как детские грехи.
Когда приду на Страшный суд,
Мои стихи меня спасут.

Патологоанатом,
Хотя и был фанатом,
Но из любви к пенатам
Не брал работы на дом...

Ты бываешь к нам добра,
Наша матушка-хандра,
Если зла к нам та зараза,
Что из нашего ребра!

И без брачного венца,
И без мамки, без отца,
Без кровати и без свечек
У нас вышел человек...

Для чего стоять на крыше?
Для того, чтоб быть всех выше —
И точить, точить слезу
По оставшимся внизу.

За пядью пядь, за пястью пять,
Всю жизнь прожил, не торопясь,
И вдаль по утренней росе
Не тороплюсь уйти совсем.

В крови гремит набатом залп мортир,
А пуля милосердия дешевле.
Мы веруем в тебя, великий тир!
Мы – бедные фанатики-мишени.

Они бились день,
Они бились два —
В головах трава,
По степи молва...

Берегись, пескарь —
На хвосте сыскарь,
Лихо под мостом
Повилять хвостом...

Все мы маги на бумаги,
Чародеи по идее,
А в кармане —
Вошь на мане!

Говорит ворожея,
Что не вышел рожей я —
Ах, фортуна ты, фортуна,
Подколотная змея!

Я люблю красавиц с пышной грудью,
Ибо спьяну есть за что держаться!
Волосат и грозен ствол у пальмы —
Ствол мой волосатей и грознее!

Закат стекает в море, как кровь моих врагов,
Смешались соль и сладость в багряной глубине,
Вчера я пил из чаши, сегодня – из ладоней,
А завтра выпью море, где плещется закат!

Снится хора дирижерам каждой ночью в каждом сне,
Будто людям пенье хором – свет единственный в окне,
Даже волки ночью воют, лапой угодив в капкан,

Про искусство хоровое, недоступное волкам!

Летят из имперьи
Им-пух и им-перья.
Пропала имперья —
И где же теперь я?..

Ах ты кукиш, ты мой кукиш,
Не продашь тебя, не купишь —
Разве только палачу
На дыбе тебя скручу?

Попал, как кур в ощип,
Но не желаю в щи —
Тащи меня в борщи,
Не то ищи-свищи...

Этим – больше, этим – меньше,
Эти – вовсе в пустоте,
Казанова любит женщин,
Каназава – каратэ.

На ковре из желтых листьев, вдоль обрыва, по Арбату,
Чуя с гибельным восторгом, что осядут на мели,
Пилигримы в шкурах лисьих, колченоги и горбаты,
Подают манто путанам вместо китайчонка Ли...

Замочи кирпичом буржуинскую тварь!
Бизнесмена – ножом! Фирмача – на фонарь!

Ты завел скомороха? Паяца? Шута?!
Вот рассудка цирроз и души нищета!

Развелось непризнанных талантов,
Словно дистрофических атлантов,
Вместо мышц – слезящийся бекон...
Нет бы подпереть плечом балкон!

Ах, зачем же ты, козел,
Выбрал меньшее из зол?
Вот и пей теперь, скотина,
Седалгин и фталазол...

КВИНТА

Три звонка – пожарным храбрым для огнетушения,
Два звонка – ментам премудрым против покушения,
Девять – «крыше» с исполкомом, чтоб не стал мишенью
я,

А один – всесильный – адвокату личному!
Как с ним созвонюся, сразу жизнь отличная!

О, Тяжмашмонтаж! Сокол, беркут наш!
Рухнет горный кряж, коль войдешь ты в раж,
Конь твой лучше ста,
Меч твой рубит сталь,
О, Тяжмашмонтаж, даль твоя чиста...

ХАЙЯМКИ

*Величию души твоей,
Гиясаттин Абу-л-Фатх Омар Хайям ан-
Нишапури*

Мы привыкли к потоку дурных новостей,
Мы привыкли к продажности наших властей,
Нас объяли привычные стылые воды
До души. До печёнок. До глаз. До костей.

Я стрелял бы на звук, но кругом тишина,
Я упал бы в траву, но лишь пол да стена, —
О судьба! Раздаешь ты обильно желанья,
Но возможностей не раздаешь ни хрена!

Дни рожденья – чудесная вещь, господа!
В эти дни мы приходим сюда навсегда,
Чтоб узнать, как прозрачно осеннее небо,
Хлеб горяч, и прохладна живая вода.

Спасибо, мой Господь, на жребии таком —
Да, я не Госкомстат, не Центризбирком,
Не Криворож я сталь, не Минпромтрансэнерго...
Светла моя судьба, не быть мне дураком.

Поднимите мне веки – не вижу, ослеп,

Безутешен навеки – не вижу, ослеп,
Жизнь была, человеки, изюминкой в хлебе,
Но черствея, наш хлеб превращается в склеп...

Словно капли в тумане – мы были, нас нет,
Словно деньги в кармане – мы были, нас нет,
Нас никто не поймает, никто не поверит,
Нас никто не обманет – мы были, нас нет.

Распиши мою жизнь на аккорды, безумный слепой
гитарист,
Распиши от начала до коды, безумный слепой гитарист,
Потому что не всякий подхватит на слух и сумеет
Повторить мои дни, мои годы, безумный слепой
гитарист...

Нас здесь много в гробах, черепов и костей,
Нам не надо молитв, мы не ждем новостей, —
Приходите почаще к нам в гости, живые,
Или ждите ночами незваных гостей...

Мы становимся старше – воистину так,
Это глупо и страшно – воистину так,
Мы однажды уйдем и однажды вернемся —
Кто, встречая, нам скажет: «Воистину так!»?

Шакал однажды встретил ишака,
Шакал был весь в парче, ишак – в шелках.
«Салам алейкум, лев!» – ишак был краток.

«И вам салам, дракон!» – сказал шакал.

Задающий вопросы стоит на пороге,
Задающий вопросы в тоске и тревоге,
Он, бедняга, не знал, задавая вопросы,
Что вопросы – столбы, а ответы – дороги...

Здравствуй, друг мой ханжа! Что ж ты, милый, зачах?
Ни грозы на устах, ни сверканья в очах.
Говорил же тебе: мол, вино и красотки! —
Ну а ты мне: анализы, доктор, моча...

Умножающий зло обожает добро,
Умножающий зло уважает добро,
Как увидит, что где-то добро обижают,
Так обидчика хватить! – и ножом под ребро...

Вознаградим поэта за труды,
Пусть купит, бедный, хлеба и воды,
А больше ни гроша ему, мерзавцу —
У горькой жизни сладкие плоды!

НОВОРУССКИЙ РУБАЙЯТ

"ПАЦАН ХАЙЯМ"

Упиться в хлам шампанским от Клико
И дорого, братва, и нелегко —
Но трем лохам один пузырь за счастье,
А мне ништяк три тыщи пузырьков!

За баблосы в кармане – спасибо, Аллах!
За поляну в шалмане – спасибо Аллах!
Так и вижу Аллаха – пацан из конкретных,
При болтах и наколках, понтах и стволах...

Мораторий на вышку? Фуфло, пацаны!
Эти хохмы давно никому не смешны —
Мы с рожденья пожизненный тупо мотаем,
Чтобы нас расстреляли у райской стены!

Мы гуляем по кругу, тюремная шваль,
Мы не верим друг другу, тюремная шваль,
«Что за чёртово время?!» – спросил я у неба,
Мне в ответ: «Кали-юга, тюремная шваль!»

Три порока запретны: курить анашу,
Относиться небрежно к чужому грошу —
И отказывать мне, если я в переулке

Ваш любимый бумажник займы попрошу!

Братва тебя отмажет на суде,
Но кто тебе вернет вчерашний день?
Гудит клаксон на свалке в старом джипе
И вопрошает: где вы? где вы? где...

Мне плевать на хорей, амфибрахий и ямб,
Я бываю обкурен, бываю и пьян,
Мне по нраву распутство, по нраву бесчинства —
Я в натуре Омар и в натуре Хайям!

Где мой наколотый кинжал? — былого не вернуть.
Где мой малиновый пиджак? — былого не вернуть.
Тоскую в Каннах, чистый лорд, в костюме от Версаче...
Из зоны в зону я сбежал — былого не вернуть.

БАЛЛАДА ОБМЕНА

*Обманутой виселице твоей, школяр Франсуа
Вийон*

БАЛЛАДА О БЕЛОЙ ЖИЗНИ

В декабрьских болотах царит тишина,
Густая, как молоко,
Звезда, тишиною оглушена,
Серьгою в небе дрожит,
Уходит день, и его спина
Скучна, как вечный покой —
Но каждый год,
В сердце болот
Вступает Белая Жизнь.

У Белой Жизни белая бровь
И белый зрачок в глазу.
Сугробы-веки, ресницы-снег,
Морщины – корявый наст.
У Белой Жизни белая кровь
И белый по телу зуд,
Один раз в год
Кого она ждет,

Кого она ищет? – нас.

Зыбун под слюдою намерзшего льда
Зевает и видит сны
О том, как растрескается слюда —
У солнца остры ножи —
И будет апрель, и будет вода,
И тень от кривой сосны...
Но смертен год,
И в дрёму болот
Вступает Белая Жизнь.

У Белой Жизни седой висок
И пудренная скула,
Улыбка – мел, а рассудок бел,
Крахмальней, чем хруст белья,
А бледный лоб, как скала, высок
И холоден, как скала.
В глуши болот
Кого она ждёт,
Кто нужен ей? – ты и я.

Декабрьским болотам хвалу пою!
Звезде во мраке ночном,
Пурге, что в озябшем, глухом краю
Поземкой по кочкам выюжит,
Бесстрашному дню, что в неравном бою
Сражен, уснул вечным сном.
Ты – наш оплот,

Стылый мир болот,
Где ждет нас Белая Жизнь.

У Белой Жизни есть белый лист,
Но нет ни капли чернил,
Перо в руке, как луна в реке,
Рука, как метель в ночи, —
Небесный свод равнодушно мглист,
Мерцают огни в тени,
За годом год
Она ждет и ждет,
А сердце болот молчит...

БАЛЛАДА ОБМЕНА

Было трое отличных друзей у меня,
Трое верных друзей – ого-го!
Я друзей у судьбы на врагов поменял,
На отличных и верных врагов.

Было трое чудесных невест у меня,
Трое славных невест – это так!
Я сперва у судьбы их на жен поменял,
А потом на щербатый пятак.

У меня была уйма прелестных детей,
Может, десять, – а может, и сто!
У судьбы я детей поменял без затей,
Только, правда, не помню, на что.

У меня была куча несделанных дел,
И забот, и хлопот – это так!
Все дела у судьбы я сменял, как хотел:
На кабак, и табак, и коньяк.

Вряд ли я успокоюсь в дубовом гробу,
Закрывая предъявленный счёт —
Хитроумный мой череп семь пядей во лбу,
Я и лёжа сменяю судьбу на судьбу,
Доплачу, и сменяю ещё!

СТРАШНАЯ БАЛЛАДА О ПОЭТЕ

У поэта что-то с горлом:
Вместо песни – громкий кашель.
У поэта что-то с сердцем:
Вместо сердца – твердый камень.
У поэта счеты с жизнью,
Как с прокисшей манной кашей.
Хочется в музей поэту —
Чтоб не трогали руками.

Вот стоит поэт в музее,
Застеклен для ротозеев,
Выделен поэту угол
Для прижизненных изданий,
На поэте – черный смокинг,
Пудрой-перхотью засеян,
Под поэтом – теплый коврик,
Чтобы мог стоять годами.

Ходят-водят хороводы
Критики вокруг поэта:
Ах, какое было сердце!
Ах, какое было горло!
Ах, как трогался руками
И за то он, и за это,
Мы бы чаще мыли руки,

Он бы дольше жег глаголом!

Нет глагола у поэта —
Отобрали для потомков,
И местоимений нету,
И наречий, и союзов,
И гипербол, и метафор
Наш поэт лишен жестоко —
Раз хотел стоять в музее,
Значит, расплевался с музой.

Лишь безлунными ночами
По музею бродит призрак —
Сумасшедший и печальный,
Неприкаянный и голый,
Бродит призрак и бормочет,
Отражен в стеклянных призмах:
"У поэта что-то с сердцем,
У поэта что-то с горлом..."

БАЛЛАДА О КИПЛИНГЕ

Пас – это пас, а вист – это вист, и вместе им не бывать,
А я – обалденный постмодернист, и Киплинга взял в кровать,
Я возбужден, как юнец весной, и свеж, как яичный желток,
А Запад – он, братцы, не хрящик свиной, и не бешбармак – Восток.

Увидел бур, и прицелился бур, и все, кранты буровой,
А я это дело видал в гробу, я – дворянин столбовой,
И в нашем дворе такие столбы, что хуже занозы в заду,
А ты, Томплинсон, не пугайся трубы, а то поймаешь звезду.

Баллада что, баллада – пустяк, сложу и швырну под стол,
А Киплинг – он у меня в гостях, и мы с ним хряпнем по сто,
За верный наган, за скверный Афган, за настоящих мужчин,
За буйвола, чьи могучи рога, за вой Акелы в ночи,

За двух пацанов, чей слог не хренов, за леди, которых мы Любили, как сорок тысяч слонов, среди мировой кутерьмы,
За беспокойных Марфы сынов, за воду в палящий зной,

За добрый табак и хмельное вино, за жизнь с прикрытой спиной.

И снова по сто, и еще разок, и чокнемся через года,
Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда,
Но двум поэтам плевать на рок, на срок и на пару веков,
Поскольку нету таких дорог, чтоб встать на вечный прикол,

И ни гу-гу, и ни капли в рот, ни слова в ухо времен —
А на висках дрожит серебро, и тяжек шелк у знамен,
Звезда в тылу, и звезда впереди, и звездный отблеск
вверху...
Налей-ка нам, братец Ганга-дин, пора смочить требуху!

О, рай – это рай, и ад – это ад, но арфа вилам сродни,
Когда ни вперед, ни вбок, ни назад, и кем-то исчислены
дни,
А вечность – миф, и не бросят роз на гроб из пахучей
сосны,
И только память весенних гроз, когда ни грозы, ни весны.

Но что есть запрет, и что есть судьба, и что есть от рая
ключи,
Коль выпал час плясать на гробах и рыжих собак мочить,
И ту же затягивать ремешок, и петь, как поет листва —
Давай, дружище, на посошок, нам завтра рано вставать!

ШЕСТИСТИШЬЯ

ПОДОБЬЕ

Не пир во дни чумы – чума во время пира!
Двенадцатая ночь? – нет! дюжина в ночи!
О, пушкинский хорей, ямб Вильяма Шекспира —
Легко вам подражать! Так в унисон мечи

С монетами звенят, так рыло у тапира,
Как хобот у слона, подобием торчит..

ХАБАНЕРА

У любви, как у пташки, крылья,
Клыки пантеры, драконий хвост,
Бандерилья, Мадрид-Севилья,
Твоя мантилья, мерцанье звезд...

Половое грозит бессилье,
Коль неразборчив и в связях прост.

ЗООФИЛОЛОГИЯ

Я знаю много умных слов,
От новых до старья,
Чтоб громко в обществе ослов
Реветь: «И я! И я!»

А длинноухие скоты
Ревут в ответ: «И ты! И ты!...»

ВЕТЕР

Ф. Г. Лорке

Бродит ветер по лимонным рощам,
Ищет эхо смолкнувшего крика.
Расстрелять поэта много проще,
Чем не расстрелять. Да, Федерико?

Бродит ветер с ночи до рассвета,
Ищет сердце мертвого поэта.

ТЕАТР

Повадка лисья закулисья,
На сцене беспредел и пьянка,
В партере лица, будто листья,
И в ложах лица, будто пятна.

Театр! Гляжу в тебя со дна,
Иначе вечность не видна.

СУЛАМИФЬ

Грозою летней, беспределом шмона,
Горбатым танком надвигался миф.
Прости меня, смуглянка Суламифь,
Прости меня, седого Соломона.

Любовь чумою бродит меж людьми
В безглазой маске вечного ОМОНа.

SIC TRANSIT

Когда пройдет мирская слава
Чеканным шагом лейб-гвардейца,
Наступят тишина и слабость,
И никуда уже не деться

От этой гостыи-тишины,
В которой трубы не слышны.

РЕЦЕПТ БЕСТСЕЛЛЕРА

Урони героя на пол,
Оторви герою лапу,
Умори героя папу,
Сунь ежа герою в шляпу.

И пускай сидит герой
В ж...пе, точно геморрой.

АНТИДЕПРЕССАНТ

Депрессия, озвученная вслух,
Остра, как клык вампира, и внезапно,
Как кнопка, что вам мальчик подложил
Под зад. Затеяник юный, он хохочет,

Он кнопкин нож, он клык вампирий точит, —
Колом его осиновым, колом!

ЛЕТО

Тополиный пух,
Жаркая зима.
Придавив лопух,
Умирает май.

Друга отпою —
Вот и я, июнь...

ЭПИТАФИЯ

С трагической маской на лице
Он был рожден, с ней век недолгий прожил
И умер с той же маскою на роже,
Ужален хищной мухою це-це.

Когда б он улыбался, злая муха
Не села бы ему на кончик уха.

АВТОПОРТРЕТ

Циничен в меру, в меру похотлив,
Местами грешен, не без покаянья,
Частично бел – архангельский отлив,
Частично черен – адское сиянье,

Фрагментами я червь, я раб, я бог —
Но целиком: шедевр или лубок?

ТЬМА

Нас однажды не будет. Понять это очень не просто.
Будет август и солнце, февраль и продавленный наст,
Возле дома взметнутся деревья саженного роста,
Будет день, будет пища... Но все это будет без нас.

Этих слов безнадежную, вялую, скучную тьму
Никогда не пойму. Хоть убей, никогда не пойму.

ОДИССЕЙ – ПЕНЕЛОПЕ

Я скрою от тебя, как брали Трою.
Зачем терзать любимую жену
Рассказами про старую войну,
Где бились боги, люди и герои?

Когда ночами я кричу во сне,
Ты просто знай: я снова на войне.

ЛИТЕРАТУРА

На этой сцене у лжи – котурны,
У правды – пестрый колпак.
Мы все в прицеле литературы,
Литература слепа.

В кого ударит шальная пуля?
Давай, родная. Стреляй вслепую.

ОСЕНЬ

Когда окинёт землю осень
Холодным взглядом живописца,
С нее мы многого не спросим —
Всего лишь заново родиться

Одним коротким словом: «мы».
Мечты в предчувствии зимы.

ОКТЯБРЬ

Спаси мою душу, прозрачный октябрь,
Хотя бы на час, на минуту хотя бы,
Иначе, беглец, я уйду без души
Туда, где сухие шуршат камыши,

И тихо до марта усну в камышах.
Будь ласков, октябрь. Пусть спасется душа.

КАМЕНЬ

Я такой же, как вы. Это кажется, будто иначе
Я хожу и дышу, и пишу, и смеюсь, и грущу.
Не сносить головы, раз в козлы отпущенья назначен —
Отпустите меня, или я вам грехи отпущу.

И как камень в руке, станет тяжкой пушинка стиха:
Кто здесь сам без греха? Ах, простите – здесь все без
греха...

ВЫБОР

...и манит зло. Уже в который раз
Готов поддаться, сдаться, соблазниться.
Кому из нас по нраву власяница?
Кому по нраву вытертый матрас,

А не перина? Но терплю: а вдруг
Матрас с периной – оба не к добру?

ЛИРИКА

Волшебна утренняя нега
В изящно смятых простынях,
А за окном летит в санях
Зима, кудрявая от снега.

В кровати нежится поэт —
Ах, сколько зим, ах, сколько лет!

ТАЛАНТ

«Мы пишем так, как дышим!» – часто слышится
От творчески настроенных мужей.

И все же непонятно: как вам дышится
Без запятых и верных падежей?

И тягостна до боли встреча с книжкой,
Где в тексте что ни строчка, то с одышкой.

ГРЕКИ

Ох уж эти греки – Гомер их праху,
Ох уж эти Трои – Эней их стенам,
Ох уж эти сказки – помрёшь со страху,
Если вдруг поймёшь, что раскрыта тема,

Словно двери, настежь – входи, не медли,
Примеряй доспехи из красной меди!

АВТОПОРТРЕТ

Всегда в сомненьях – сам себя достал,
Всегда на грани – жуткий человек,
Живу недолго – без семи полста,
Но и немало – скоро полувек.

Скажите мне, коллеги-старичье:
Я – образ и подобие... Но чьё?

МУДРОСТЬ

Настанет день, и нас убьют,
Настанет день, и мы воскреснем,
Поэтому цени уют
И мягкий плед в знакомом кресле.

Сквозь ледяную вечность лет
Нам греет ноги этот плед!

КРИЗИС

Редуют кудри смоляные,
Висит унылая мотня,
И косо барышни иные
Глядят с презреньем на меня.

Господь, мою мольбу услышь:
Пошли мне с барышни барыш!

ЭПИТАФИЯ

Войдите в положение певца —
Он худ и бледен, сильно спал с лица,
И даже умер. Согласитесь – грустно.
Отдайте лютню, что вам проку в ней,

У мертвых вещи красть всего грешней...
А впрочем, лютню – вам. Певцу – искусство!

БУСИДО

В самураев поиграем,
Хорошо быть самураем,
У меня в руке катана,
Я тебя сейчас достану!

Я достал, ты достал —
Холодна катанья сталь...

ЖИЗНЬ

Не жили – доживали.
Пшеничный хлеб жевали.
Слегка переживали.
Не за себя? Едва ли...

А рядом рвали жилы.
Не доживали. Жили.

ФИНАЛ СКАЗКИ

Ах, Золушка, жизнь – это партия-блиц,
И мы ее проиграли,
Ах, Золушка, время садиться на шприц,
Года идут, трали-вали...

Но тут из кустов галопирует принц
Верхом на белом рояле.

МЕЖДУ НАМИ

Ни весь я не умру, ни по частям,
Мой хладный труп в могиле – чушь собачья,
Не доверяйте мясу и костям,
Не сокрушайтесь, милые, не плачьте —

Я здесь. Я просто вышел покурить
И с небом о земле поговорить.

ВРЕМЯ

Лихой подарок – бег времен,
Старт – жизнь, и финиш – труп,
Вот за спиною – век знамен,
Вот за спиною – век имен,

Вот прожит век, где я умен,
И начат век, где глуп.

КНИГА

Рассыхается Ноев ковчег в ожидании потопа,
Каин с Авелем – братья такие, что жены ревнуют,
У Самсона седые власы и четырнадцать внуков,
У Юдифи роман с Олоферном закончился свадьбой,

А у Йова все живы – и овцы, и жены, и дети...
Это что же за книга, в которой все было иначе?!

ДИАЛОГ С ВЫВОДОМ

– Не в раю Канар ли я,
Словно сокол, гордо рею?

– От кого ж, каналаия,
Похватил ты гонорею?

– Это вакханалия.
Я старею и мудрею.

ПРОБЛЕМА

Хамоватый жлоб-брюзга
С накладной бородой пророка,
Нижнегубая лузга,
Матерочек ненароком,

Гений чистой простоты...
Где ни плюну – всюду ты!

ЗАПОВЕДАЛЬНЯ

Уж сколько раз твердили миру
Во всевозможных интервью:
Не сотвори алтарь кумиру!
Да не убий, не то убью!

Но кто бы бисер не метал,
А только воз и ныне там...

КОНКУРЕНТЫ

Кричат, впадая в дикий раж:

– Какой, мол, у тебя тираж?

А мы, брат, столько нарожали,

Что закидаем тиражами!

Стою над над пропастью во ржи...

Какие, к черту, тиражи?

НОВЫЙ РИМ

Муций Сцевола – редкая сволочь,
Гракхи пошли в олигархи,
Братья Горации дали просрать им,
Братья – плуты, не Плутархи.

Новый, какой-то-там-надцатый Рим
Хором благодарим!

ПОЭТАМ

Начинающих поэтов не бывает,
Начинающих поэтов убивают —
Похвалою, оскорблениями, ложью...
Те, кто выжили, об этом забывают.

Ах, кюветы, придорожные кюветы! —
В вас валяются небитые поэты.

УВЕРЕННОСТЬ

Когда уйдет последний дождь,
По зябким лужам шаркая,
И гром ударит, как в бидон,
Над лающими шавками,

Мы победим всех, от и до,
И закидаем шапками.

ЭХО СТАРЫХ ЛЕГЕНД

ТРОЕ

*"Бессоница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины..."*

О. Мандельштам

Увы, Елена бросила Париса,
Не покидая Спарты. Менелай,
Косматый и нелепый с похмела,
Провел гостей до пристани. Триера
Качалась на волнах. Был день багров.
Корабль не без помощи багров
Отчалил.

Что за странная манера:
Брак сохранять? Елена не права.
И с кем теперь велите воевать?
Ну, я уже не буду про Гомера...

Кассандра вышла замуж. У неё
Уютный дом и милый палисадник.
Муж ласково бормочет: "Мой Кассандрик,
Свари обед и постирай бельё!"

На ложе из сосны и палисандра
Он любит по ночам свою Кассандру,
Но любит, как умеет – без затей,
Желая прибавления детей,
Которых у него и так без меры.
Ну, здесь совсем уж глупо про Гомера...

У Андрوماхи вырос взрослый сын —
Астианакс иль что-то в этом роде,
А Гектор признан гением в народе
И произведен в генеральский чин.
В хрустальной вазе расцветают маки,
В духовке поспевают пирожки,
И ночью, быстрокрылы и легки,
Кружатся сны над телом Андрوماхи,
Танцуя менуэт и хабанеру...
Привет многострадальному Гомеру!

Закат Эллады счастьем обожжен
Над тихой жизнью трех счастливых жен.
Любовь благословенна, быт устроен, —
Чего еще желать? Паденья Трои?
Приам с народом навсегда едины?
Разверзните, пустые небеса!
«Бессоница. Гомер. Тугие паруса...»
И список кораблей – как жизнь – до середины.

МАЛЫЙ НАРОДЕЦ

Это мы —
Ночным туманом
Тихо шарим по карманам
Заевавшей души.

Есть ли стертые гроши?

Это мы —
Благою вестью
Подбираемся к невесте,
Приближая срок родин.

Ты не с нами? Ты – один.

Это мы —
Листвой осенней
Догораем в воскресенье,
Размечтавшись о весне.

В понедельник – первый снег.

Это мы —
Без тени смысла,
Как пустое коромысло,
Упадем на плечи тьмы.

Не узнали? Это мы.

ЭВРИДИКА

Наклонись, луна, над горбатым Стиксом,
Над безумием черной воды,
Заходи, весна, на часок проститься —
Тяжело умирать молодым.
Заходи, весна,
Посиди часок,
Прозвучи, струна,
Охлади висок.
Мне бы с кручи вниз,
Да обрыв высок.

Здесь ни мирных нив, ни войны трофеев,
Здесь лениво цветет асфodelь,
И летит во мгле птичий клин Орфеев,
Отражаясь в стоячей воде.
Ах, куда ни кинь,
Всюду птичий клин,
Будто мне зрачки
Бритвой рассекли.
Берегли меня,
Не уберегли.

Вот и день прошел, вот и век, и больше —
Время сбора камней и теней...
Оглянись на нас, безымянный боже,

Оглянись и оставь в тишине.

Оглянись в ответ,

Там, где ты, там свет,

Там, где мы, в траве

Не оставлен след.

Мне немного лет,

Я была – и нет.

ОРФЕЙ

Нет, Эвридика, не приду.

Не плачь.

Не жди.

Поспели яблоки в саду,

Идут дожди.

Запахла осенью трава,

Сулит беду,

Болит с похмелья голова.

Нет, не приду.

За Ахероном – тишина,

Теней полет,

За Ахероном не струна —

Судьба поет,

Там каждый день нелеп, как тень,

Как жизнь в бреду,

Как та, что греет мне постель...

Нет.

Не приду.

А наверху сплошной бардак,

Все как всегда:

Судьба – паскуда, кровь – вода,

Дерьмо – еда,

На бой толпу ведут вожди —

Гори в аду!..

Не помни.

Не люби.

Не жди.

Я не приду.

Я стал другим, оглох, ослеп,

Пришел мой срок,

Я выстрою чудесный склеп

Из звонких строк,

Ты в нем увязнешь навсегда —

Оса в меду.

Ни ты сюда, ни я туда...

Нет.

Не приду.

Зачем я сел?

Зачем я встал?

За что плачу?

Я исписался, я устал,

Я не хочу!

Не верь! не жди! не надо! пас!

Я – мертв! Я – не...

Орфей, зачем ты в сотый раз

Идешь за ней?!

СЕСТРЫ

Клитемнестра тоже ждала Микенца,
Только все гордыня и нрав упрямый,
Ночью – плач в подушку, а днем – коленца
И ходьба вприсядку над волчьей ямой.

Ах, он, значит, Трою берет годами!
Ах, он у Ахилла подстилку отнял!
А у нас весна побрела садами,
А у нас любовник, один как сотня...

Он там шлемом блещет и выей крепок,
Мы здесь к шлему – рожки, а к вые – ножик,
Он там богоравный, прям с Зевса слепок,
Ну а мы в постели детишек множим.

Что? Вернулся барин? Несите вина! —
И велите, ванну чтоб наливали...
Да, у Клитемнестры была кухня.
Рохля, мужнин хвост.
Пенелопой звали.

ЗАЧИН

I

А в лесной глуши – ни живой души,
Лишь змея спешит, да трава шуршит,
Да зеленый дуб, да пчела в меду,
Да коня ведет витязь в поводу,

Глохнет стук подков...
Этот лес таков.

Думает герой, голова горой,
Тяжкою стопой топчет мох сырой —
Гибнуть мне, как псу, во сыром лесу,
Лечь на меч-косу во ночном часу,

Не порвать оков...
Этот лес таков.

Как вода в горсти, протекает тишь,
Что ж ты, конь, грустишь, сушняком хрустишь,
Хвост – витая плеть, круп – амбара клеть,
Страшно околеть, под сосною тлеть,

Волк зайдет с боков...

Этот лес таков.

У коня печаль в налитых очах,

И герой заках, тяжесть на плечах,

Да и мне, творцу, борзому писцу,

Грусть-тоска к лицу – с чем идти к концу,

Как спасать братков?..

Этот лес таков.

II

Я пишу, писец, добрый молодец,

Я – герою брат, я – коню отец,

Я им – тихий вздох, я им – в ножнах сталь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.